

А С МЫЛЬНИКОВ

**ПЕРВЫЙ СЛАВИСТ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НАД ТВОРЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ И. П. КОЛЯ)**

Тема русско-немецких культурных контактов XVIII века и вклада выходцев из Германии в развитие российской науки и культуры пронизывает творческие интересы П. Н. Беркова с самого начала его научного пути.¹ Переосмысливая давно известные факты и вводя ранее не известные материалы, П. Н. Берков сыграл заметную роль в становлении этой темы в качестве одного из магистральных направлений в изучении генезиса эпохи Просвещения как в нашей стране, так и за рубежом. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на некоторые специфические особенности творческого наследия Иоганна Петера Коля (1698–1778), волею судеб оказавшегося первым профессиональным славистом в учрежденной по планам Петра Великого Петербургской академии наук.

Становление Коля как ученого происходило в период, когда в России и в Германии (под непосредственным влиянием Г. Лейбница) усиливался интерес к разработке славянской проблематики в духе идей раннего Просвещения. В конкретной обстановке тех лет эта проблематика оказывалась сопряженной с оживленными русско-немецкими контактами, в том числе с Мекленбургом и Гольштейном,— а ведь Коля был уроженцем после-

---

¹ См., например, ранние работы П. Н. Беркова: 1) Кто был автором Лейпцигского «Известия о русских писателях»? // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1931. № 8. С. 937–952, 2) Der Akademiker Jakob Stahlin und seine Materialien zur Geschichte der russischen Literatur // Germanoslavica. 1931/1932. Jg. 2, N 2. S. 234–247.

днего. Это не могло не наложить дополнительный отпечаток на восприятие им не только современности, но и истории славянской культуры и славяно-германских взаимоотношений.²

Интерес к этому кругу вопросов стимулировался у Коля занятиями протестантским богословием, подготовку к чему он получил, обучаясь в Кильском и Ростокском университетах. Свидетельством тому служит книга «*Ecclesia graeca Lutherana sive exercitatio de consensu et dissensu orientalis graecae speciatim russicae et occidentalis Lutheranae ecclesiae in dogmatibus. . .*» (Lubeck, 1723). Напомним, что автору тогда было только 25 лет. Между тем эта небольшая книга, всего на 190 страниц, со всей определенностью позволяет судить о целенаправленном интересе Коля к истории славянской культуры.

Не случайной была и тема книги. Именно в эти годы возобновились планы объединения христианских Церквей, проявившиеся, в частности, в инициативе парижской Сорбонны примирить и объединить римско-католическую и греко-православную конфессии. Эти идеи не были чужды и пиетистам, центр которых тогда находился в Галле. Коль не только дал в своей первой книге очерк попыток католиков и протестантов осуществить такое объединение в прежние времена, но и охарактеризовал состояние русской Православной Церкви и ее связей с Греческой Церковью. Специально останавливался Коль на сходстве и различии протестантского и православного вероучений.

Книга молодого ученого была замечена не только в Германии. Когда в 1724 г. будущая Академия наук подыскивала специалистов в странах зарубежной Европы, лейпцигский профессор И. Б. Менке рекомендовал для поездки в Россию Коля. Кандидатура была в Петербурге одобрена, и молодой гольштейнец подписал контракт на пятилетний срок работы. В начале 1725 г. он прибыл на берега Невы, а с 7 февраля того же года стал членом (или профессором) русской Академии наук по разряду элоквенции и церковной истории. Но в августе 1727 г., задолго до истечения срока контракта, Коль неожиданно покинул Россию и отбыл в Гамбург. История его отъезда довольно туманна и уже тогда вызвала различные кривотолки и домыслы.

---

² Raab H Die Anfänge der slawistischen Studien in deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe 1955/1956. N 4–5; Winter E Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18 Jahrhundert. Berlin, 1953

Согласно одной версии, причиной был неблагоприятный для здоровья Коля климат. Но по другой версии, к достоверности которой склонялся А. Л. Шлецер, кильский уроженец влюбился в красавицу цесаревну Елизавету Петровну настолько, что «впал в задумчивость, походившую на сумасшествие»³. Скорее всего, нечто подобное и произошло, поскольку при формальном нарушении сроков контракта русское правительство установило Колю пенсию в размере 200 руб. годовых, причем пожизненно. Вероятно, во избежание скандала. Впрочем, это позволило Колю, обосновавшемуся в Гамбурге, вести жизнь независимого ученого и журналиста. При этом связи его с Россией не прерывались, о чем, в частности, свидетельствуют его письма, сохранившиеся в архиве Г. Ф. Миллера.

По приезду в Петербург Коль сразу же включился в местную научно-культурную жизнь, сблизившись с членами «ученой дружины» — Феофаном Прокоповичем, А. Д. Кантемиром, В. Н. Татищевым. Человек живой и общительный, Коль принял на себя (без дополнительного вознаграждения) руководство академической гимназией и читал какие-то лекции, о содержании и круге слушателей которых сведений, к сожалению, не сохранилось.

С еще большим рвением занялся он своими обязанностями как член русской Академии наук. За короткий срок пребывания в этом качестве он представил на рассмотрение академиков несколько докладов («диссертаций»), в том числе «О обращении славянского народа в веру христианскую», «О языке славянском и его начале», «О редких письменных книгах библиотеки московской», «О писании Ефрема Сирина некая особливая усмотрения», «Совет о сочинении лучшего лексикона славянского», «Совет о устройении славянской библиотеки», «История славянского периода Священного писания»⁴.

Даже перечень этот свидетельствует о целеустремленности и интенсивности научной деятельности Коля. Разве не показательно, что первая из названных «диссертаций» обсуждалась в заседании конференции Академии наук 16 ноября 1725 г., т. е. спустя всего девять месяцев после зачисления автора в штат и еще до официального открытия Академии⁵.

³ *Коль Иоанн Петер* // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 30. С. 783; Allgemeine Deutsche Biographie Leipzig, 1882. Bd. 16. S. 425.

⁴ Материалы для истории имп. Академии наук 1716–1730. СПб., 1885. Т. 1. С. 283.

⁵ Протоколы заседаний конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 гг. СПб., 1897. Т. 1. С. 2.

Считается, что все написанное Колем в России бесследно исчезло. Мы позволили себе усомниться в справедливости такого мнения еще несколько лет назад.⁶ В последующие годы, используя предложенный нами метод книговедческого анализа в источниковедении,⁷ удалось окончательно доказать, что версия о бесследном исчезновении русских «диссертаций» Коля не более чем легенда. О сказанном свидетельствует изданная в Альтоне (под Гамбургом) в 1729 г книга Коля «Введение в славянскую историю и литературу» на латинском языке.⁸

Ознакомление с содержанием монографии показывает, что ее тематика в основном совпадала с названиями «диссертаций» Коля, считающихся утраченными. Впрочем, автор и не скрывал наличие такой связи, на которую прежде почему-то внимания не обращалось. Уже на титульном листе указывалось, что Коля является членом Петербургской академии наук по классу церковной истории и литературы (*Iohannis Petri Kohli, in Academ. Scientiar. Petropolitanae Histor. eccles. et human. literar. Professoris*). Воспроизведение этих данных со всей очевидностью свидетельствовало, в какой роли выступал Коля. Но и это не все. Окончательную черту под спором о том, сохранились ли тексты «диссертаций» Коля, сам автор подвел в гамбургском журнале «Новая нижнесаксонская научная газета на 1729 год»⁹. Здесь в № 41 от 24 мая 1729 г помещен подробный автореферат книги «Введение в славянскую историю и литературу». После сообщения о том, что автор три года провел в Санкт-Петербурге как член русской Академии наук, занимаясь славянскими темами, в автореферате (мы его называем именно так, поскольку авторство несомненно принадлежало самому Колю) приводились названия глав, формулировки которых по большей части соответствовали названиям якобы утраченных «диссертаций». Лишь четыре работы, включенные в книгу, прямого отношения к славянской проблематике не имели.

Из сказанного можно заключить, что работы, написанные в России, Коля увез с собой в Гамбург, чтобы вскоре, всего два года спустя, с некоторыми дополнениями опубликовать

⁶ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 17–18.

⁷ Мильников А. С. О книговедческом методе в источниковедении. К постановке вопроса // Книга. Исслед. и мат. М., 1972. Т. 25. С. 8–21.

⁸ *Kohl J. P. Introductio in Historiam et rem Literariam slavorum, imprimis sacram, sive Historia critica versionum slavonicarum maxime insignium nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Altona, 1729.*

⁹ *Niedersächsische Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen auf das Jahr 1729. Hamburg, 1730. N 41. S. 347–349.*

Позднее И В Ягич высоко оценивал общий научно-критический уровень монографии Коля Он, в частности, отмечал убедительную критику легенды об изобретении глаголицы св Иеронимом, в которую в начале XVIII века верили немецкий славист И Л Фриш и чешский славист Я Стржедовский Колю принадлежала заслуга обосновать создание славянского алфавита Константином (Кириллом) и Мефодием, которым он также приписывал и первые библейские переводы на старославянский язык Отметил Ягич и рассуждение Коля об Острожской Библии¹⁰ Эти аспекты творческого наследия Коля отмечали и другие исследователи, в частности Н А Котляревский¹¹ Обращалось внимание и на раздел, посвященный сочинениям Ефрема Сирина и их славянским переводам «Вообще, это был первый опыт историко-литературного исследования о древнеславянской письменности, в основу которого положен был, между прочим, русский письменный материал», — писал в конце XIX века один из русских ученых¹²

Наблюдения над творческим наследием Коля, о русском периоде которого теперь можно судить по материалам, основанным не на догадках, а на реальных фактах, позволяют заключить, что оно составляет до недавнего времени практически забытую, но важную страницу в истории позитивных русско-немецких научных контактов первой трети XVIII века Становление славянских исследований как самостоятельного междисциплинарного направления происходило на путях международного сотрудничества, в связи с чем разговоры о «приоритете» той или другой стороны едва ли плодотворны Другое дело — вклад определенного ученого в становление славистики¹³

И потому немецкий автор, еще на родине заинтересовавшийся историей и культурой русского и других славянских народов, обогатившийся знанием источников во время пребывания в России и сохранивший интерес к славянской теме впоследствии, — этот автор по имени Иоганн Петер Коль имеет все основания для того, чтобы занять свое место в истории не только немецкой, но и русской культуры

¹⁰ Ягич И В История славянской филологии СПб, 1910 С 73

¹¹ Котляревский Н А Древняя русская письменность Опыт библиологического изложения истории ее изучения Воронеж, 1881 С 13

¹² Энциклопедический словарь / Изд Ф А Брокгауз и И А Ефрон Т 30 С 783

¹³ Mylnikov A S Johann Peter Kohl — der erste Slavist an der Petersburger Akademie der Wissenschaft // Zeitschrift für Slavistik, 1991 № 4 S 580–587